

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Перевод книги Билла Ридингса «Университет в руинах» является продолжением серии «Universitas», в рамках которой Центром проблем развития образования Белорусского государственного университета публикуются ключевые работы по идее университета. Книга эта, без сомнения, сыграла и продолжает играть важную роль в дискуссии, которая ведется на Западе на протяжении более чем двух веков. В центре внимания автора — судьба университета и, шире, образования в эпоху глобальных перемен.

Университет — структура, которая имеет отношение к самому широкому кругу вопросов существования: от судеб индивидуума до судеб человеческих сообществ. Именно он, университет, отвечает за традицию, от его экспертного суждения зависит, что будет в этой традиции сохранено, а что — предано забвению. Именно он в лице своих профессоров формирует всегда определенное отношение к современности и традиции, в том числе к традиции самоописания. Долгое время университет выступал в качестве критика современности, предъявляя претензии существующему порядку с точки зрения универсального разума. Сегодня позиция апологии классического разума, в свою очередь, подвергнута критике, и многие постулаты классического университетского образования претерпевают кризисные трансформации, направления которых призрачны. Предлагаемая книга являет собой пример, если не сказать образец, смелого, последовательного и до конца идущего анализа ситуации современности и тех обстоятельств, с которыми университет как социальный и культурный институт столкнулся на рубеже XX—XXI веков.

Биография

Внешне биография Билла Ридингса не богата событиями. Это типичная история западного академического интеллектуала. Родился 5 февраля 1960 года в городе Редрут (графство Корнуолл,

Англия). Его родители — из среды интеллигентов. Мать, Мадлен, обучалась хирургии и работала до выхода на пенсию терапевтом национальной системе здравоохранения Великобритании. Отец, Кен, связал свою жизнь с карьерой военного: работал военным авиадиспетчером в вооруженных силах Соединенного королевства. Билл рос вместе с сестрой Джекки. Высшее образование, включая магистратуру и докторскую степень по филологии, Билл получил в Оксфорде (Баллиол-колледж Оксфордского университета). Его академическая карьера связана с работой в трех университетах, последовательно — Университет Женевы (Швейцария), Сиракузский университет (США) и Университет Монреаля (Канада). Докторская диссертация называлась «Восстановление и упадок языка. Поиск значения в поэзии Марвелла и Мильтона», ней молодой исследователь применил методы анализа текста и языка, разрабатываемые современной структурной лингвистикой семиотикой. Его внимание было привлечено к истории художественных смыслов и значений, а также к тому, как литературой текст становится историческим фактом. В них автор выделял два момента — особую роль чтения и визуализации. В дальнейшем эти культурные изыскания продолжились, в частности, в работе, посвященной феномену Ренессанса¹. Согласно Ридингсу, Ренессанс как феномен «имел место в XIX веке, когда Буркхардт, Патер и Мишле начали ностальгировать по исходному моменту повторной культурной унификации»².

В целом главной целью ученого было более детальное исследование того, как историческое сознание (включая историческое бессознательное) давало начало тому, что сегодня мы могли бы назвать постисторическим субъектом. Появление исторического предка и то, как исторически возникает культурный объект, являясь предметом особого внимания Ридингса. Ему был близок пафос творчества М. Хайдеггера, который объявил: бытие временно, внимание необходимо уделять тому, какие объекты исчезают и какие возникают, какие не существуют. Вывод, к которому пришел Ридингс: история реальна, но нам доступна лишь дискурсивно. В Монреале Ридингс преподавал на факультете сравнительного литературоведения. Его курсы были посвящены литературной теории, творчеству Мильтона, изобразительному искусству.

¹ См. работу Ридингса «Когда начался Ренессанс?: Readings B. When did the Renaissance begin? // Rethinking the Henrician era / ed. by P. Herman / Chicago: University of Illinois Press, 1994. P. 283-302.

² Здесь и далее цитируется настоящее издание.

В качестве значимых фактов биографии отметим два. Первый — участие Ридингса в двух исследовательских проектах. Работая в Сиракузах, он был одним из разработчиков проекта перестройки учебной программы подготовки специалистов по литературной теории. В Монреале он участвовал в выполнении исследовательского гранта по теме «Университет и культура. Кризис идентичности одного института». Ридингс руководил работой полидисциплинарного семинара «Культура и ее институты».

И второй факт, которому Ридингс придавал особое значение: участие в семинаре по критической теории, который проводила Энн Уордсворт в Оксфорде. Именно здесь, как писал Ридингс в предисловии, к нему пришла счастливая мысль, что Университет мог бы стать местом мышления. Данная идея и явилась основным мотивом написания книги «Университет в руинах», которая стала бестселлером среди книг по своему профилю и, по нашему мнению, остается им до сегодняшнего дня.

Немного о личных качествах Билла Ридингса. Билл был страстным поклонником крикета, в который играл при любой возможности. Кроме того, он был неплохим кулинаром, слушал много рок-музыки (классические независимые группы, такие как «The Clash», «The Mekons»). Ему так же нравилась опера.

Он много читал, прежде всего книги по специальности (литературная теория, философия, социология), но так же и художественную литературу — Мильтона, Марвелла, Спенсера, Блейка. Во время отдыха позволял себе почитать детективные романы. Как вспоминает его жена, Билл был очень добрым человеком — «теплым, забавным, очень веселым»¹.

Билл Ридингс погиб в авиационной катастрофе 31 октября 1994 года, останки его не были идентифицированы.

Идея книги. Основной аргумент

Основная идея книги проста. Университет как институт культуры пережил себя. Идеологические схемы перестают работать, на повестку дня выходит прагматизм — с его показателями эффективности и совершенствования. Открытие новых возможностей развития становится приоритетной задачей организации. Существующие схемы управления устарели, нужны новые схемы

¹ Мы благодарны жене Била Ридингса Диане Илэм за любезно предоставленные нам факты его биографии.

отношений. Поиск новой прагматики университета и составляет пафос книги.

Главный аргумент книги Билла Ридингса таков: «поскольку национальное государство больше не является первичной инстанцией воспроизводства глобальных капиталов, „культура“ — как символический и политический эквивалент проекта интеграции, осуществляемого национальным государством, — утрачивает свою ценность. Национальное государство и модерное понятие культуры возникли в одно и то же время, и теперь они... перестают играть ключевую роль во все более транснациональной глобальной экономике». Эта трансформация непосредственно касается университета. «Такой сдвиг оказывает прямое влияние на Университет, который исторически был главным институтом национальной культуры в национальном государстве модерна». Отметим, что указанный аргумент столь же очевиден, сколь и не бесспорен. Аргумент «от глобализации» не учитывает другой стороны этого процесса — дезинтеграции. Наряду со становлением глобальной экономики мы наблюдаем сегодня «парад суверенитетов». И как в конечном счете сложится соотношение сил на мировой арене, зависит от взаимодействия не только экономических, но и культурных капиталов, тем более что границы между ними сегодня открыты для взаимопроникновения.

Поясним коротко тот подход, благодаря которому автор приходит к отмеченному нами серьезному умозаключению. Являясь филологом по специальности, Ридингс применяет к феномену университета прежде всего современные лингвистические методы — в первую очередь, дискурсный анализ, в котором основное внимание уделяется языковым феноменам. «Я попытаюсь оценить это влияние и выявить его симптомы, наиболее заметный из которых — замещение прежних апелляций к идее культуры дискурсом „совершенства“, выступающим тем языком, с помощью которого Университет пытается объяснить себя самому себе и миру в целом. Еще один симптом — ведиущиеся сегодня жаркие споры о статусе Университета, споры, которые по большому счету бесполезны, поскольку не обеспечивают осмысление Университета в транснациональной перспективе, вместо этого скатываясь либо к ностальгии, либо к обличениям, а чаще всего — к тому и другому сразу». Особое внимание и интерес Ридингса направлены на процессы референциализации и дереференциализации языка.

В ходе анализа автор делает вывод о том, что в настоящее время наблюдается смена дискурса: традиционная апелляция к идее

культуры замещается дискурсом «совершенства» (excellence). При этом необходимо учитывать, что, говоря об идее культуры, равно как и об идее государства или идее совершенства, Ридингс понимает эти термины как конкретные культурно-исторические понятия, подвергаемые изменению, т. е. как концепты.

Концепты имеют идеальную природу и возникают и исчезают вместе с совокупностью обстоятельств, их породивших. И Ридингс, специалист по литературе Возрождения и XVII века, хорошо представляет, что культура как концепт возникла именно в эту эпоху и напрямую связана с рождением национальных языков и национальных государств. Поэтому когда он говорит о конце национального государства и связанной с ним культуры, речь идет об исчерпании некоторого исторического значения соответствующих концептов. «...Университет становится институтом иного типа; он больше не связан с судьбой национального государства, так как перестает выступать в роли изготовителя, защитника и распространителя идеи национальной культуры». Повторимся, этот вывод нам кажется излишне категоричным, однако именно он выступает тем практическим *illuſio*, которое опосредует развертывание всей концепции современного университета.

Данный текст не легок для чтения. Он является примером современного анализа сложного феномена по имени «университет». При этом, исходно рассматривая его как культурный институт, Ридингс не останавливается на каком-то одном аспекте функционирования, более того, из поля его внимания не ускользает самый важный план — план образования. Это обстоятельство заслуживает специального упоминания, ибо в современной литературе об университете, особенно русскоязычной, именно этот план часто вовсе выпадет из поля анализа.

Текст Ридингса завораживает своей многослойностью. При этом он обладает удивительной ясностью мысли. В нем есть своя загадка. Не претендуя на отгадку, мы остановимся на некоторых его особенностях, точнее, на том способе, с помощью которого автор формирует и высказывает рождающиеся мысли. Первый план работы достаточно прост. Он выражен в «основном аргументе». Однако, как бы мы ни относились к его содержанию по существу, нас не оставляет ощущение, что это не все, что за словами стоит какая-то иная реальность. Это заставляет нас всмотреться в способ выстраивания, порождения письма. Данное обстоятельство еще более усиливает сомнение, когда мы замечаем, что основные понятия, к которым апеллирует Ридингс, — культура, госу-

дарство — в тексте часто берутся в кавычки. При более тщательном рассмотрении мы обнаруживаем, что основные слова языка присутствуют в тексте отнюдь не в виде привычных понятий. И процесс, который находится в поле постоянного внимания автора, — это не реальность вещей, объектов, отражаемая посредством логической строгости понятий, а наоборот, изменчивость качений — процесс «дереференциализации». Слова, употребляемые в данном тексте, представляют собой не столько традиционные понятия, за которыми стоят определенные сущности. Они не репрезентируют вещи, они представляют собой «концепты». Этим термином Ридингс пользуется постоянно, при этом ссылаясь на Жюль Делеза. Референтом «концепта» в смысле Делеза выступают не вещи, а «состояние дел»¹.

Концепт, согласно Делезу, «не дается заранее, он творится, должен быть сотворен; он не формируем, а полагается сам в себе самополагание). Одно вытекает из другого, поскольку все по-настоящему сотворенное, от живого существа до произведения искусства, способно в силу этого к самополаганию, обладает аутопойетическим характером, по которому его и узнают»². Концепт принадлежит к порядкам мысли. «В этом смысле он является концептом из трех неразделимых составляющих — возможный гар, существующее лицо и реальный язык, то есть речь»³.

Концепт — не сущность и не вещь, это событие. «Он есть некое чистое Событие, некая этость, некая целостность — например, событие Другого или событие лица (когда лицо само берется как концепт). Или же птица как событие»⁴.

Концепт недискурсивен, и философия не является дискурсивным образованием, так как не выстраивает ряда пропозиций. У Делеза мы находим важные различия между высказыванием фрагментарных концептов в философии и высказыванием частных пропозиций в науке. Заметим в скобках, что образование как сложный социокультурный феномен, по нашему мнению, не может быть полностью представлено в мышлении в виде традиционных объектов науки, это скорее «состояния дел». Причем часть этих «состояний», скорее всего, принципиально не поддается концептуализации, они возникают как усилие и результат умения вслушаться, взглядеться, спросить.

¹ Ср. «положение вещей» у Хайдеггера.

² Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер с фр. С. Н. Зенкина. М: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 21.

³ Там же.

⁴ Там же.

Особый вопрос — о жанре данной книги. Она может быть отнесена к жанру философской беллетристики, социологического эссе или жанру современного полидисциплинарного дискурсного анализа, осуществленного в стиле культурных исследований. По-нашему мнению, жанр данной книге ближе всего к тому, что обычно обозначается как «литературная критика». Это блестящее по стилю и оригинальное по исполнению литературное эссе, осуществленное на основании современных методов анализа литературного произведения.

Работая над прагматическими темами, Ридингс создал свой подход к исследованию культурных явлений. Он применил методы критической литературной теории к анализу социокультурных феноменов. Многие он позаимствовал из сочинений постструктуралистов (Фуко, Делез, Лиотар — часто цитируемые Ридингсом авторы), большое количество ссылок в тексте на работы собственно специалистов по теории литературы, а также социологов. Особое внимание уделено методу и практике деконструкции, разрабатываемым в сочинениях Деррида. В целом, как мы отмечали выше, работа написана скорее в жанре литературно-критическом, чем строго или узко академическом. В ней встречаются и взаимодействуют как теоретический дискурс, претендующий на достижение пропозиционной истины, так и дискурс прагматический, ориентированный на нормативную правильность. При этом Ридингс, в конечном счете, отдает предпочтение риторике перед логикой.

Итак, в центре внимания автора — состояние дел, сложившееся в университетском образовании к моменту написания работы (1994 год). Положение дел представляется Ридингсу как кризис, имеющий достаточно фундаментальный характер — это кризис оснований университетской идеи. Образ университета в руинах красноречиво свидетельствует о самоощущении исследователя, складывающемся в результате анализа актуального состояния дел.

Общая ситуация описывается Ридингсом как переплетение, борьба двух дискурсов — «дискурса культуры» и «дискурса совершенства», смена одного типа описания другим. Не нужно большого труда, чтобы обнаружить, что автор не разделяет ни одного из них, он пытается выстроить свой дискурс. Выше мы пытались указать на него. Если мы предположим, что дискурс совершенства напрямую связан, если не полностью совпадает, с дискурсом качества («excellence» буквально переводится с английского как «превосходное качество»), мы легко поймем, что состо-

яние дел, от которого отталкивается Ридингс, есть во многом и наше состояние дел. Благодаря этому обстоятельству работа, проделанная Ридингсом, актуальна вдвойне. Иными словами, она актуальна не только для англоязычного мира.

В центре внимания автора широкий круг проблем: и состояние профессорско-преподавательского корпуса, и бунт студентов 1968 года, и судьба преподавания и исследования, и проблема управления современным университетом, и гуманитарные науки как основание деятельности университета в современном обществе. Ридингс анализирует утрату университетом универсальной тотализирующей функции, изменение позиции интеллектуала. Логика та же — постструктуралистская критика субъекта, идеологии идентичности, проекта Просвещения. При этом в процессе критики Ридингс разрабатывает большой круг актуальных тем, объединенных, к примеру, вокруг кластера «знание»: знание и признание, порядок знания, единство знания, позитивное и культурное знание, знание как интеллектуальная культура, рождение идеи автономии знания и теория передачи знания, реорганизация дискурса знания, знание как способность обработки информации и т. д.

Работа Ридингса не ограничивается только критикой существующих порядков. Замечательным ее свойством является позитивный, проективный характер. Размышляя над тем, каким может быть университет в будущем, он рисует образ университета как сообщества мыслящих вместе, но не обще.

Предмет его заботы — широкая неопределенность в отношении роли Университета и сути стандартов, в соответствии с которыми его следует оценивать как институт. Мы же считаем своей задачей отметить здесь две особенности данного сочинения. Во-первых, его язык — язык не понятий, но концептов, который, по нашим наблюдениям, особенно продуктивен при описании и анализе образовательных феноменов. А во-вторых, этот текст открывает новые возможности не только исследования, но и практики современного университета. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Как мы неоднократно отмечали, перед нами не просто критический текст, а попытка построить проект, модель постисторического университета. Эта модель, точнее мысли по ее построению, чрезвычайно эвристична. Она опирается на три идеи.

Первая идея: время образования не имеет границ. Вступая в полемику с Кантом, который полагал, что образование есть переход от невежества к просвещенности, совершаемый за опреде-

ленный промежуток времени, Ридингс пишет: «сложное время мышления... структурно „незавершенно"», «...мышление — необходимая зависимость, от которой нам никогда не избавиться».

Вторая идея: университет представляет собой не только место для утверждения дисциплинарности и воспроизводства системы профессиональных компетенций, но и место, где эти границы постоянно деконструируются. Ридингс особое значение придавал мысли, высказанной Сэмюэлем Вебером в книге «Институт и интерпретация»: «...модерный университет был институциональным орудием, с помощью которого можно было утверждать и поддерживать профессиональную претензию на монопольную компетентность»¹. В противовес этому он предлагает не холистическое отрицание абстракции и границ, а «деконструктивную прагматику», которая «работала бы „изнутри" разных дисциплин, демонстрируя конкретно, в каждом отдельном случае, каким образом исключение границ из поля организует практику, которую оно делает возможной»². Обучение методам «деконструктивной прагматики» является, по нашему мнению, одной из ключевых задач инновационного образования.

И третья идея: создание нового типа сообщества в университете, сообщества диссенсуса. Диссенсус нельзя институционализировать. Университет, согласно Ридингсу, должен стать местом сосуществования разных мышлений. Такое сообщество, по Ридингсу, «пытается сделать дереференциализацию поводом для *de-tournements*³ и радикальных подспудных преобразований. Подобные действия могут принимать форму критики, но они не будут апеллировать к трансцендентному субъекту самопознания, способному отстраняться от своего поведения и критиковать его. Если вернуться еще к одному термину, введенному мной ранее, то можно сказать, что такая институциональная прагматика не будет иметь алиби, она не будет отсылать „куда-то еще", к истине, имя которой позволило бы снять с нас ответственность за наши действия».

Ридингс в своей модели университета склоняется в пользу диалогизма Н. Бахтина, в противовес модели коммуникации Ф. де Соссюра. «Диалогизм Бахтина — это не просто способность взаи-

¹ Weber S. Institution and interpretation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. P. 32.

² Там же.

³ Переопределение (*фр.*)

мообратного или серийного монолога, не обмен ролями, позволяющий собеседникам говорить, лишь когда до них доходит очередь становиться монологическими отправителями (как в случае Сократа). Голова адресата наполнена языком, поэтому история коммуникативной трансляции не способна адекватно описать то, что происходит при лингвистическом взаимодействии. Адресат, будучи скорее *интердискурсивным*, чем *интерсубъективным*, не является виртуальной точкой сознания (*tabula rasa*¹ воспринимающего шишковидного тела, как сказал бы Декарт). Любое сознание — это сознание языка в его гетерогенной множественности. Понимание и непонимание, так сказать, сплетены в качестве условий лингвистического взаимодействия. Коммуникация не может быть передачей готового смысла, поскольку значения слов меняются от высказывания к высказыванию — или, точнее, от идиолекта к идиолекту».

Именно постулат зависимости от Другого выдвигается Ридингсом в качестве решающего аргумента в пользу новой модели университетского образования. Он принципиально этичен по природе.

Как полагает Ридингс, одна из базовых составляющих давнего нарратива образования, распространяемого Просвещением, — принцип «знание сделает людей свободными»; образование — это процесс превращения детей во взрослых. «То есть, — говорит Ридингс, — образование превращает детей, которые по определению зависят от взрослых, в независимых существ, свободных граждан, нужных современному государству. Они будут сами принимать решения. Они будут голосовать индивидуально, лично, в небольших кабинках, отсекающих все связи с другими людьми». «Общий нарратив, лежащий в основе... функции образования, гласит, что целью образования является приобретение студентом определенной миметической идентичности: студент становится либо копией профессора, либо копией места в системе. Эта идентичность и создает автономию или, точнее говоря, *независимость* — конец зависимости, конец обязательств перед другими».

Постисторический Университет может, по мнению Ридингса, отказаться от стремления связывать воедино авторитет и автономию в рамках сообщества, объединенного одной идеей, будь это идея разума, культуры, коммуникации или профессионального совершенства. «Мой замысел состоит в антимодернистском переопределении преподавания и обучения как мест *обязательства*,

¹ Чистая доска (*лат.*)

как арен *этических практик*, а не как средств передачи научного знания. В этом случае преподавание начинает отвечать *вопросу справедливости*, а не критериям истины. Мы должны не познавать преподавание, а воздавать ему справедливость. Убеждение в том, что нам известно, чем является или должно являться преподавание, — главное препятствие на пути к справедливому преподаванию. Преподавание должно служить не просто передачей информации и эмансипацией автономного субъекта; вместо этого оно должно стать местом обязательства, превосходящего индивидуальные представления о справедливости».

Таков основной вывод и постулат, достойный того, чтобы быть включенным в повестку дня и стать предметом обсуждения на всех педагогических форумах. Вместе с тем, как мы уже неоднократно указывали, идеи, разрабатываемые в книге, отнюдь не тривиальны. С ними лучше знакомиться индивидуально, в процессе вдумчивого чтения в тишине. Следить за перипетиями стиля и логики книги Ридингса — весьма увлекательное и очень непростое занятие. Этот текст достоин отдельного времени изучения так же и в академическом смысле.

М. А. Гусаковский